

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛЖЕНИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dpto. 10

1430 Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXVIII

Buenos Aires, martes 22 de Junio de 1976

Буэнос Айрес, вторник 22 июня 1976 г.

№ 1373

А. СОЛЖЕНИЦЫН

СЛОВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ

ПРЕМИИ „ФОНДА СВОБОДЫ“

Я живо тронут Вашим решением присудить мне Вашу премию. Принимаю ее с благодарностью и с сознанием долга перед тем высоким человеческим понятием, которое звучит, содержится, заключено в название Вашей организации, в символе, соединившем нас сегодня здесь. Этого символа естественно и коснуться в моем ответном слове.

В такой ситуации, как сегодня, легче всего поддаться декламации о мрачных пропастях тоталитаризма и восхвалению светлых твердых западной свободы. Гряздо трудней, но и плодотворней, посмотреть критически на самих себя. Если область свободных общественных систем на Земле все сужается и огромные континенты, недавно как будто получавшие свободу, утягиваются в область тираний, то в этом виноват не только тоталитаризм, для которого прегальтывать свободу есть функция естественного роста, но, очевидно, и сами свободные системы, что-то утеревшие в своей внутренней силе и устойчивости.

Наши с вами представления о многих событиях и явлениях опираются на несходный жизненный опыт, поэтому могут заметно различаться, однако именно этот угол между лучами зрения и может помочь нам объемнее воспринять предмет. Я осмелюсь обратиться Ваше внимание на некоторые аспекты свободы, о которых не модно говорить, но от этого они не перестают быть, значить и влиять.

Понятие свободы нельзя верно охватить без оценки жизненных задач нашего земного существования. Я сторонник того взгляда, что жизненная цель каждого из нас — не бескрайнее наслаждение материальными благами, но: покинуть Землю лучшим, чем пришел на нее, чем это было определено нашими наследственными задатками, то есть, за время нашей жизни пройти некий путь духовного усовершенствования. (Сумма таких процессов только и может называться духовным прогрессом человечества). Если так, то внешняя свобода оказывается не самодовлеющей целью людей и обществ, а лишь способным средством нашего неискаженного развития; только возможностью для нас — прожить неживотным, а человеческим существом; только услowieм, чтобы человек лучше выполнил свое земное назначение. И свобода — не единственное такое условие. Никак не меньше внешней свободы нуждается человек — в незагрязненном просторе для души, в возможностях душевного сосредоточения.

Увы, современная цивилизованная свобода именно этого простора не хочет оставить нам. Увы, именно за последние десятилетия само наше представление о свободе снизилось и измельчилось по сравнению с предыдущими веками, оно свелось почти исключительно к свободе от наружного давления, к свободе от государственного насилия. К свободе, понятию всего лишь на юридическом уровне — и не выше.

Свобода! — принудительно засорять коммерческим мусором почтовые ящики, глаза, уши, мозги людей, телевизионные передачи, так чтоб ни одну нельзя было посмотреть со связным смыслом. Свобода! — навязывать информацию, не считаясь с правом человека не получать ее, с правом человека на душевную свободу. Свобода! — плевать в глаза и ду-

ши прохожих и проезжих рекламой. Свобода! — издателей и кинопродюсеров отправлять молодое поколение растлительной мерзостью. Свобода! — подростков 14-18 лет упиваться досугом и наслаждениями вместо усиленных занятий и духовного роста. Свобода! — взрослых молодых людей искать безделья и жить за счет общества. Свобода! — забастовщиков, доведенная до свободы лишать всех остальных граждан нормальной жизни, работы, передвижения, воды и еды. Свобода! — оправдательных речей, когда сам адвокат знает о виновности подсудимого. Свобода! — так вознести юридическое право страхования, чтобы даже милосердие могло быть сведено к вымогательству. Свобода! — случайных пошлых перьев безответственно скользить по поверхности любого вопроса, сперва сформовать общественное мнение. Свобода! — сбора сплетен, когда журналист для своих интересов не пожалеет ни отца родного, ни родного Отечества. Свобода! — разглашать оборонные секреты своей страны для личных политических целей. Свобода! — бизнесмена на любую коммерческую сделку, сколько б людей она ни обратила в несчастье или предала бы собственную страну. Свобода! — политических деятелей легкомысленно осуществлять то, что нравится избирателю сегодня, а не то, что дальновидно предохраняет его от зла и опасности. Свобода! — для террористов уходить от наказания, жалость к ним, как смертный приговор всему остальному обществу. Свобода! — целых государств иждивенчески вымогать помощь со стороны, а не трудиться построить свою экономику. Свобода! — как безразличие к попираемой дальней чужой свободе. Свобода! — даже не защищать и собственную свободу, пусть рискует жизнью кто-нибудь другой.

Все эти свободы юридически часто безупречны, но нравственно — все порочны. На их примере мы видим, что совокупность всех прав свободы — далеко еще не есть Свобода человека и общества, это только возможность, она обращается по-разному. Все это — невысокий тип свободы. Нет свободы, которая возвышает человеческий род. Но — истерическая свобода, которая достоверно может его погубить.

Подлинно человеческая свобода — есть от Бога нам данная свобода в утренняя, свобода определения своих поступков, но и духовная ответственность за них. И истинно понимает свободу не тот, кто спешит корыстно использовать свои юридические права, а тот, кто имеет совесть ограничить самого себя и при юридической правоте. Не тот, кто спешит выиграть благоприятный судебный процесс, но кто имеет благородство отказаться от него, — напротив: публично открыть свои промахи или проступки. То, что называлось стародавним и теперь уже странным словом — честь.

Я думаю, не будет излишней скромностью признать, что в некоторых славных странах Западного мира в XX веке свобода под видом «развития» деградировала от своих первоначальных высоких форм. Что ни в одной стране на Земле сегодня нет той высшей формы свободы одухотворенных человеческих существ, которая состоит не в лавиров-

Солженицын в Калифорнии

Прилетевший из Швейцарии в Калифорнию для изучения архива Института имени Гувера в Станфорде А. И. Солженицын побывал в Сан-Франциско, где посетил здание Русского Центра, осмотрел существующий в этом здании музей и посетил редакцию газеты «Русская Жизнь».

В Институте им. Гувера А. И. Солженицын встретился с делегацией Фонда Свободы, прибывшей из Калифорнии для вручения писателю американской медали дружбы и связанной с нею премии.

Медаль, изображающая первого президента Соединенных Штатов Джорджа Вашингтона, была вручена Солженицыну с бронзовой дощечкой, на которой была выгравирована надпись, в которой он был назван «выдающимся писателем, бесстрашным проповедником свободы для всех людей и лауреатом Нобелевской премии, потрясающе предостерегающим граждан всех демократий о предательском эле тоталитаризма».

Отвечая делегации Фонда Свободы, А. И. Солженицын произнес речь, текст которой «Наша Страна» приводит полностью.

П. СОКОЛОВ

А.И. Солженицыну о царе

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Глубокоуважаемый Александр Исаевич!

Читаю сейчас третий том Архипелага. Ведь совершенно ясно, что описанное Вами — и пережитое нами — чистой дьявольщиной: вне религии ее объяснить невозможно. Как же Вы, прошедший и уцелевший в этой дьявольщине, решались поднимать руку на того, кто 23 года с ней боролся и погиб в этой борьбе? Зачем Вы объединяетесь вот с этими, укрытыми в толпе? Зачем Вам понадобилось унижать Ваше замечательное — уже высокое — имя безответственным выпадом против того, кого Вы, очевидно, просто не знаете? Как у Вас, правдоискателя и человеколюбца, поднялась рука на одну из самых трагических жертв революции? Не потому ли все это, что и революцию Вы до конца не додумали, что она еще сидит где-то в дальних углах Вашей души?..

Вот выступления против большевиков Вы называете «ветерком революции». Выходит: и большевизм — революция и антибольшевизм — тоже? Где тут логика, в чем же тогда смысл слова «революция»? Всякий бунт против власти? Скучное значение. Революция и есть выявление дьявольщины на земле, выявление темной и подлой силы, почему она и сопровождается бедствиями.

Вы же сами все время сразниваете, как было при царе и как стало при «народной» власти. Огромное превосходство всегда и во всем за царским временем. Так неужели же царь тут был совсем не при чем? Ведь это же была вершина, исток, камертон для всей России! Почему Вы не делаете неизбежного вывода?

Вы называете его «недалеким». Затасканная революционная шпартгалка, воспринятая из чужих, грязных рук. Как же мог этот «недалеким» человек четверть века править колоссальным государством и, несмотря на козни врагов и вырождение народа, все же вести его к процветанию? (Что отметили даже заграничные авторитеты). Даже разбитую армию он смог привести в боеспособное состояние. Теперешнее мировое чудовище ООН Вы называете «прообразом всечеловечества»; а ведь идею эту, увы, поддерживающую просвещенным Западом, дал тот же «недалеким» человек. — Вот как широк был его разум!

Для объективного, разумного человека Государь Николай 2-ой был прежде всего непревзойденным образцом душевной чистоты и благородства. Во вторых — подлинным сыном России, безотказно и беспредельно ее любящим и ей преданным, всю свою жизнь посвятившим ее благу. В третьих, это был широкий реформатор — почти такого же размаха, как его великий дед Александр 2-ой. (Почитайте Ольденбурга, там сделаны всякие сводки). В четвертых, это был все же необычайно стойкий борец со всякой бесовщиной, (выстоял 23 года! других сломали в несколько месяцев), но не омрачивший своего имени никакой подлостью, никакой неоправданной жестокостью, никакой заведомой ложью. Наоборот: он был слишком деликатен там, где о деликатности не имели даже представления, — был деликатен с душегубами. Он и погиб только из за этой самой своей чрезмерной деликатности: не хотел, чтобы еще во внутренней борьбе лилась русская кровь. Поверил в совесть отъявленных мерзавцев родзянок и милюковых. А ведь им вся Россия поверила!

П. СОКОЛОВ

не между статьями законов, но в добровольном самоограничении и в полном сознании ответственности — как эти свободы задуманы были нашими предками. Однако, я глубоко верю в неповрежденность, здоровье корней великодушной мощной американской нации, с

требовательной честностью ее молодежи и недремлющим нравственным чувством. Я своими глазами видел американскую провинцию — и именно поэтому с твердой надеждой сегодня высказываю здесь это все.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

